

УТВЕРЖДАЮ

Проректор Российской академии

народного хозяйства и государственной

А. М. Марголин

августа

2022 г.

Отзыв

ведущей организации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» о диссертации

Тамбовцевой Светланы Георгиевны

«Религиозный фольклор духоборцев: история и ритуальный контекст»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.01.09 – фольклористика

Тема диссертационного исследования Светланы Георгиевны Тамбовцевой, безусловно, актуальна. Хотя религиозная культура духоборцев достаточно давно привлекает к себе внимание исследователей, целый ряд проблем остается неизученным, и одно из значимых направлений – прагматика и функциональные контексты текстуального оформления традиции, режимы взаимодействия фольклорной традиции с письменной культурой, коммуникативные и ритуальные аспекты духоборческого фольклора в контексте модернизации в России.

Диссертационная работа выстроена в соответствии с заявленной в заглавии идеей представить историю духоборческого фольклора. Три главы диссертации посвящены трем периодам в истории духоборчества, а во введении описана источниковая база и теоретико-методологическая рамка исследования.

Во вводной теоретической части диссертантка заявляет междисциплинарный подход к фольклору в своей работе: его предполагается рассматривать в контексте процесса модернизации и истории Нового времени в России, привлекая исторические исследования текстуальности и грамотности, а также социальную теорию. Во введении получает обоснование и вынесенный в название термин «религиозный фольклор». Под ним

диссидентка понимает фольклор, в основе которого лежит «усвоение идеи религии устной традицией в контексте Нового времени и выстраивание саморепрезентации в соответствии с ней» (С. 39). С. Г. Тамбовцева опирается на трактовку легенды как динамической системы нарративов К. В. Чистовым, дополняя её теорией о стенсии, разработанной американскими фольклористами Л. Дег и А. Важони. Стремясь уточнить концепцию «текстуального сообщества» историка Брайана Стока, диссидентка предлагает обращать внимание на разные практики грамотности и вернакулярные педагогики, характерные для «сектантской» среды.

Первая глава диссертации посвящена периоду формирования и становления духоборческой традиции. В ней автор избегает жестких хронологических рамок, фокусируясь, скорее, на переселении духоборцев на Молочные воды в начале правления Александра I (начиная с 1802 г.) как на переломном моменте для формирования самосознания группы. Вместе с тем нельзя сказать, что фольклорный материал, который используется в главе, приурочен к концу XVIII–началу XIX века. Автор привлекает как фольклор, записанный ею от представителей современных духоборческих сообществ, так и классические записи В. Д. Бонч-Бруевича, опубликованные им спустя век после появления молочноводской духоборческой общины. Тем не менее такое использование разновременных источников оказывается оправданным за счет компаративной перспективы, которая помещает духоборческих фольклор в контекст широко распространенного явления, которое автор, вслед за К. В. Чистовым, называет социально-утопическими легендами. С. Г. Тамбовцева делает вывод о том, что именно социально-утопические нарративы и переосмыслиенные в их ключе библейские тексты (особенно апокалиптического характера) стали основой самосознания духоборческой традиции.

Вторая глава переносит читателя на столетие вперед, и затрагивает период раскола духоборческой общины в Закавказье, рассматривая одновременно как механизмы устной культуры, способствовавшие расколу и оформившие его, так и последствия переселения «большой половины» духоборцев в Канаду для фольклора религиозных диссидентов и трансформации их традиции. Режимы текстуальности, таким образом, оказываются и причиной, и следствием, скрытым двигателем ритуальных изменений и инструментом эксплицитного самоопределения. Сквозными сюжетами, связывающими вторую главу с первой, являются «самозванство» духоборческих вождей – в данном случае инструментализация духоборческого фольклора Петром Веригиным, претендующим на статус преемника династии Калмыковых, а также герменевтическая «стратегия двойственности», касающаяся на сей раз не столько толкования текстов, сколько ситуативного приписывания духоборцами себе идентичности российских подданных

(русских колониалистов) или членов антигосударственной гонимой группы богоизбранных верующих.

В широкой исторической перспективе, обрисованной в каждой из двух глав, диссидентка рассматривает различные группы текстов духоборческого фольклора, режимы и прагматику их бытования. Так, в первой главе, помимо легенд, описаны духоборческие «вопросы и ответы» – катехизические по форме псалмы, которые, однако, передавались изустно. Согласно мнению автора, форма катехизиса подверглась переработке и во многих случаях отсылает к сатирическому фольклору, загадкам и другим юмористическим жанрово-стилистическим образованиям. В центре второй главы – «стишки», или «стихи», традиционные духовные песнопения духоборцев, которые на фоне раскола, модернизации и разделения двух духоборческих общин стали наиболее гибким и адаптивным (инклюзивным?) жанром, пополняемым, в частности, за счет перелицованных и переосмысливших революционных песен. История одного из таких заимствований – духоборческой «Мирной Марсельезы» – подробно рассмотрена в главе.

Третья глава исследования стоит несколько особняком, в первую очередь потому, что в ней автор обращается к современному периоду жизни духоборческих общин, который освещает с использованием собственных материалов, включающих не только фольклорные тексты, но и этнографические наблюдения и интервью с жителями духоборческих поселений Грузии и России. Начиная главу с параграфа о дискурсе самоопределения современных духоборцев, автор далее останавливается на любопытном жанре эсхатологических пророчеств, порой обыгрывающих мотив возвращения (как и рассмотренные в первой главе легенды), и их связи с популярностью у духоборцев позднесоветских эстрадных «деревенских» песен (и их «наивных» версий, написанных духоборскими поэтами – как и в случае с революционными песнями, описанными во второй главе). В третьем параграфе главы описан индивидуальный случай трактовки духоборческой традиции в духе движений новой религиозности и альтернативной лингвистики. По мысли диссидентки, подобная креативность приобретает новый смысл в контексте практики «корнесловия», которая стояла в центре проекта нации в XIX в.

Для каждого из описанных периодов духоборческой истории в работе отмечены модерниzierющие тенденции и их отражение в духоборческой культуре: риторическая полемика раннего Нового времени в России; идеология толстовства и толстовская аккультурация «сектантских» сообществ; позднесоветская секуляризация и легитимизация духовного наследия как культурного и постсоветский лингвистический национализм.

В заключении С. Г. Тамбовцева резюмирует свои соображения с использованием понятий и категорий, объединяющих проявления духоборческой устной культуры на

разных исторических этапах: легенда как наджанровый «дискурс» и её остеинсивное воздействие, а также пародия и пародичность как режимы усвоения текстов доминирующей культуры и построения с ней диалога.

В целом оценивая диссертационное исследование С.Г. Тамбовцевой, можно заключить, что она имеет безусловную новизну и высокую научную значимость. Методология, источниковая база, научный аппарат, а также стиль и язык работы не вызывают нареканий. Особо следует отметить аналитическую работу автора с концепциями, которые она использует в своем исследовании (народная редигия, вернакулярная религия, религиозный фольклор, текстуальное сообщество, жанр, легенда и др.). Обсуждение этих концепций и возможности их применения в фольклористике и смежных дисциплинах (антропологии, религиоведении, истории) имеет самостоятельную ценность.

Принципиальных замечаний к работе нет, вместе с тем, некоторые нюансы исследовательского подхода вызывают желание вступить в дискуссию. Так, С.Г. Тамбовцева довольно четко определяет понятие «религиозный фольклор» и строго исходит из этого определения в работе: «В работе он используется в узком значении: под религиозным фольклором понимаются текстуальные формы, которые духоборцы были склонны канонизировать, считать знаковыми для своего «исповедания». Мы относим к религиозному фольклору категории текстов, которые носители традиции включали в «Животную книгу»: псалмы («пасалмы», «пасаломчики»), «стишки», «молитвы», «пароли» (с. 21). Вместе с тем, далее автор пишет: «Мы надеемся показать, что понятие религиозного фольклора применимо к духоборческой духовной культуре и адекватно ей как объекту исследования. Фольклор интересует нас как самосознание традиции и как движущая сила ее формирования и трансформации. При этом нас будет интересовать и «проживаемая» религия — точнее, фольклорные формы и сценарии её проживания» (с. 21). Интерес к связи социального и фольклорного процесса, на наш взгляд, предполагает большее внимание и к другим типам текстов, в частности, к нескажочной прозе, в которой описываются/моделируются отношения разных сегментов внутри сообществ и с их иноконфессиональными/иноэтническими соседями. Так, в среде духоборов существуют рассказы о колдовстве, эта тема стала предметом внимания некоторых исследователей, в том числе самого автора (доклад на международной конференции «Демонология как семиотическая система» в 2018 г. на тему «Колдовство у закавказских духоборцев: география и социально-психологические функции»). В то же время в диссертации эта тема не прозвучала. Очевидно, она выходит за рамки основного исследовательского интереса автора (возможно, для XIX в. недостаточно источников, чтобы сравнить с современными

материалами), но, как нам кажется, этот стоило оговорить. Иначе получается, что автор, формируя (вольно или невольно) указанную лакуну, следует критикуемой ею самою идею от том, что «магия» должна быть отделена от «религии»; эта идея, очевидно, не стыкуется с концепциями проживающей/вернакуллярной/народной религии. Подчеркну, что этот вопрос – скорее, тема для дискуссии и дальнейших исследований.

Диссертация С.Г. Тамбовцевой является законченной и самостоятельной квалификационной научной работой и соответствует всем критериям, установленным в п.п. 9–14 гл. II действующего «Положения о порядке присуждения ученой степени» от 24.09.2013 г., №842 (в новой редакции от 01.10.2018 г.). Автор диссертации Светлана Георгиевна Тамбовцева заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 – фольклористика.

Отзыв составлен доктором филологических наук, ведущим научным сотрудником лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований (ШАГИ) РАНХиГС Ольгой Борисовной Христофоровой. Отзыв обсужден и утвержден на заседании лаборатории 26.07.2022 г., протокол № 2607-1.

Кандидат филологических наук, заведующий
лабораторией теоретической фольклористики
Школы актуальных гуманитарных исследований
(ШАГИ) РАНХиГС

Петров Никита Викторович

Контактная информация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Адрес: 119571, г. Москва, проспект Вернадского, дом 82.

Телефон: +7 (499) 956-99-99.

Сайт: <https://www.ranepa.ru/>

E-mail: information@ranepa.ru

Борисова Ольга В.
директор
Нац. центра УП // Синешникова

